

КОММУНИКАТИВНО-ПРОСОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВЫЯВЛЕНИЮ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ЕДИНИЦ В УСТНОМ МОНОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ¹

Коротаев Н. А. (n_korotaev@hotmail.com)

РГГУ, РАНХиГС, Институт языкознания РАН,
Москва, Россия

Ключевые слова: устная речь, русский язык, корпус, сегментация, коммуникативная просодия

ELEMENTARY DISCOURSE UNITS IN SPOKEN MONOLOGUES: EVIDENCE FROM COMMUNICATIVE PROSODY

Korotaev N. A. (n_korotaev@hotmail.com)

RSUH, RANEPА, Institute of Linguistics (Russian Academy
of Sciences), Moscow, Russia

The paper addresses the issue of spoken discourse segmentation. Using the corpus “Stories of presents and skiing”, I explore the concept of Elementary Discourse Unit (EDU) — a chunk of speech flow defined on both prosodic and syntactic grounds. I propose for a new procedure to establish EDUs’ boundaries. Compared to previous studies, a communicative perspective is added. I introduce the notion of communicative prosodic constituent, as well as a typology of those. It is based on three oppositions: (i) topic vs. comment; (ii) completion vs. transitional-continuity; (iii) main line vs. parenthesis. These oppositions are defined independently of one another and provide for a six-fold classification.

Several remarks should be made here. First, comments and (optionally) topics are found not only in statements, but also in other illocutionary types — such as questions, directives, vocatives, and so on. Second, it is sometimes hard to distinguish between comment constituents that express transitional continuity properties and topic constituents. I show that in some cases, this distinction can be made even though the intonation patterns are quite similar. Third, parenthetical constituents may as well have internal topics and comments.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, грант № 14-18-03819.

Next, EDUs' boundaries are re-defined as a subset of communicative prosodic constituents' boundaries. Comment constituents always imply EDU's boundaries, while a topic constituent needs a syntactical support to do so. Finally, I provide an analysis of communicative structure and EDUs boundaries in an excerpt from the corpus.

Keywords: spoken discourse, Russian language, corpus, discourse segmentation, communicative prosody

1. Сегментация речевого потока. Элементарная дискурсивная единица

Хорошо известно, что устная речь порождается не непрерывным потоком, а некоторыми «минимальными порциями». Выявление и классификация таких элементарных единиц входит в число центральных задач как теоретического анализа устного дискурса, так и более практической работы по выполнению дискурсивной транскрипции. По большому счету, реализация системы дискурсивной транскрипции, т.е. графической записи наиболее существенных аспектов устной речи, невозможна без систематического учета принципов сегментации. При этом разбиение устного текста на обособленные друг от друга единицы может проходить на различных уровнях речепорождения. Приведем пример из корпуса русской монологической речи «Истории о подарках и катании на лыжах»².

(1) *Pic-RUS_06-f_Ski-T*

1.	/Жил-\был .. один /дядечка,
2.	... ' .. эээ .. один раз он /проснулся утром,
3.	... <i>наверное был /-выходной,,,</i>
4.	... /поел,
5.	.. и решил покататься на \лыжах.

Каждая строка фрагмента (1) произносится в рамках единого интонационного контура. Между строками имеются паузы (в транскрипте они отмечены поднятыми точками), которые выполняют двоякую функцию. С одной стороны, паузы могут быть обусловлены физиологической необходимостью сделать вдох, с другой стороны, они используются говорящим для планирования

² Описание корпуса и полные транскрипты всех входящего в него текстов доступны в Интернете по адресу <http://spokencorpus.ru/>. Здесь и далее в заголовках примеров указываются кодовые номера текстов. Нумерованные строки соответствуют элементарным дискурсивным единицам. При помощи слешей и стрелок обозначаются движения тона соответственно на ударных и внеударных слогах словоформ-акцентоносителей. Пунктуационные знаки в конце строк передают фазово-иллюктивные значения ЭДЕ. Подробнее см. [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009].

дальнейших отрезков дискурса. (В терминах У. Чейфа [Chafe 1994], каждая строка вербализует отдельный «фокус сознания», а паузы необходимы для «перемещения» сознания от одного фокуса к другому.) С точки зрения семантики, в строке заключено описание одного события или состояния; в синтаксической структуре этому каноническим образом соответствует формат простой клаузы. Кроме того, строки входят в определенные смысловые отношения со своими «соседями», формируя таким образом локальную дискурсивную структуру текста. Так, если использовать аппарат теории риторической структуры ([Mann, Thompson 1988]), то между строками 2, 4 и 5 можно усмотреть риторическое отношение Последовательности (Sequence); строка 3 связана со строкой 2 отношением Фона (Background); строка 1 выполняет по отношению ко всему последующему контексту роль Экспозиции (Setting). Подробнее о применении ТРС в анализе устных рассказов см. [Литвиненко и др. 2009].

Таким образом, в примере (1) представлен случай координации физиологического, просодического, семантико-синтаксического, когнитивного и риторического аспектов речепорождения. Однако эти факторы, столь различные по своей природе, далеко не всегда действуют согласованно. В частности, в ряде работ (см., среди прочих, [Croft 1995], [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009]) было показано, что доля совпадений между единицами, выделяемыми на интонационных основаниях, и простыми клаузами в реальных текстах не превосходит 60–70 процентов. Отсюда следует, что при сегментации устного текста перед транскрайбером стоит выбор: либо производить разбиение на базе какого-то одного критерия, либо пытаться учесть многофакторность анализируемого явления.

Первый подход связан, в первую очередь, с применением понятия *интонационной единицы*. Интонационная единица характеризуется набором формальных просодических признаков — таких как единый контур частоты основного тона, наличие акцентного центра, закономерности в изменении громкости и скорости произнесения, а также наличие пограничных пауз. Взгляд на интонационную единицу как на минимальный шаг в порождении дискурса принят в большом количестве работ, посвященных дискурсивной транскрипции — см., в частности, [Chafe 1994, Du Bois 2000, Izre'el, Mettouchi 2015]. Вопрос о содержательном наполнении выделяемых единиц (в том числе, об их способности вступать в риторические отношения с другими единицами текста) при таком методе отодвигается на второй план.

Второй подход был предложен в коллективной монографии [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009] и продолжает развиваться в рамках проекта по изучению устной речи, практические результаты которого представлены на сайте <http://spokencorpora.ru/>. Центральное понятие этого подхода — *элементарная дискурсивная единица* (далее — ЭДЕ). В отличие от интонационной единицы, ЭДЕ понимается как комплексный объект, обладающий не только просодическими, но и семантико-синтаксическими, и — опосредованно — риторическими свойствами. Алгоритм выявления ЭДЕ в потоке речи, в неявном виде изложенный в [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009] и реализованный в дискурсивной транскрипции корпуса «Рассказы о сновидениях», можно сформулировать следующим образом:

- (i) производится сегментация текста на простые клаузы;
- (ii) фрагменты, которые не удается интерпретировать как части каких-либо простых клауз («лишние куски»), признаются неканоническими ЭДЕ;
- (iii) выделенные клаузы тестируются на «просодическую атомарность»: если внутри клаузы проходит ощутимая просодическая граница (т. е., по сути, если в одной клаузе содержится более одной интонационной единицы), она разделяется на две или более ЭДЕ, в противном случае — признается канонической ЭДЕ.

Можно заметить, что этот алгоритм не только позволяет выполнить сегментацию текста, но и задает определенную типологию ЭДЕ. С одной стороны, имеется «золотой стандарт», при котором простая клауза совпадает с интонационной единицей. С другой стороны, возможны различные отклонения от этого канона, связанные либо с дополнительной интонационной фрагментацией клауз, либо с появлением единиц, не вписывающихся ни в одну клаузу. Вместе с тем применение описанного алгоритма сопряжено и с рядом проблем, а для его реализации приходится формулировать не один десяток дополнительных правил — см., в частности, описание подобного рода частных правил для синтаксически сложных конструкций в [Коротаев и др. 2009]. Как представляется, это связано в первую очередь с двумя факторами. Во-первых, чрезмерное значение придается синтаксическому критерию. Во-вторых, интонационный критерий фактически отделен от семантической интерпретации тех последовательностей словоформ, к которым он применяется.

В настоящей работе предлагается альтернативный алгоритм выявления ЭДЕ в потоке речи, разработанный на материале уже упомянутого корпуса «Истории о подарках и катании на лыжах». Синтаксический критерий в нем занимает менее важное место, а на первый план выходит интонационный критерий, «обогащенный» коммуникативной интерпретацией. Ключевую роль в предлагаемом алгоритме играет понятие коммуникативно-просодической составляющей, пояснению которого посвящен раздел 2. Непосредственное описание правил сегментации на ЭДЕ содержится в разделе 3, в котором также представлен иллюстративный фрагмент одного из текстов. В разделе 4 будут подведены краткие итоги проведенного исследования.

2. Коммуникативно-просодические составляющие

Под *коммуникативно-просодической составляющей* мы понимаем цепочку словоформ, выражающую определенное коммуникативное значение и снабженную одним или несколькими коммуникативно релевантными акцентами. В приведенном определении много общего с рассматриваемым в работах Т. Е. Янко понятием коммуникативной составляющей — цепочкой словоформ, служащей носителем одного или нескольких коммуникативных значений, которые, в свою очередь, задаются в том числе и коммуникативно релевантными акцентами [Янко 2001: 19–136]. Важное отличие тут состоит в том, что

коммуникативно-просодическая составляющая не может быть лишена фразового или логического ударения. Соответственно, из числа коммуникативно-просодических составляющих исключаются безударные коммуникативные составляющие, т.е. словоформы или группы словоформ, контекстуально способные выполнять ту или иную коммуникативную функцию (чаще всего — тематическую), но произносимые без акцентов. В подобных случаях мы считаем, что коммуникативная функция не получает просодической поддержки и, в некотором смысле, оказывается нереализованной в дискурсе. При этом входящие в такую безударную группу словоформы включаются в ближайшую коммуникативно-просодическую составляющую.

Поясним сказанное выше на примере.

(2) *Pic-RUS_01-f_Ski-T*

12.	… [/ <u>Человек</u> ³] [изрядно \wedge нажрался ⁴],
13.	… ээ [после \wedge чего–о ³] .. [почему-то решил \wedge ещё ¹ раз покататься на \wedge лыжах ¹].
14.	… [/ <u>Покатался</u> ³ он] .. [не \wedge очень ¹ \wedge удачно ⁴],
15.	.. [так как был \wedge пьяный ¹],
16.	.. [а за \wedge рулём как известно \wedge нельзя ² пить],
17.	… [и /попал ⁵⁽³⁾ в \wedge реанимацию ⁵⁽²⁾]!

Границы коммуникативно-просодических составляющих размечены при помощи квадратных скобок. Как видно, в элементарной дискурсивной единице может содержаться более одной коммуникативно-просодической составляющей (напомним, что алгоритм членения на ЭДЕ описан ниже, в разделе 3). Для коммуникативно релевантных акцентов посредством верхних индексов указана их принадлежность к типам интонационных конструкций (ИК). Так, например, первая коммуникативно-просодическая составляющая отрывка содержит одну словоформу *человек*, произносимую с восходящим акцентом типа ИК-3; следующая составляющая включает в себя глагольную группу *изрядно нажрался*, акцентоносителем в которой является глагольная форма, произносимая со сложным нисходяще-восходящим акцентом типа ИК-4.

Чаще всего в коммуникативно-просодической составляющей имеется один коммуникативно релевантный акцент, хотя возможны и исключения — см., например, составляющую в строке 17, в которой реализована сложная акцентная фигура ИК-5, подразумевающая сочетание восходящего акцента типа ИК-3 и нисходящего акцента (в данном случае — типа ИК-2). Кроме того, некоторые акценты лишены коммуникативного наполнения: таковы акценты на предложной группе *за рулём* в ЭДЕ 16 и на союзе *и* в ЭДЕ 17. Наконец, в примере (2) представлен и случай безударной коммуникативной составляющей. Речь идет о местоимении *он* в строке 14, которое можно интерпретировать как атоническую тему, расположенную между двумя ударными компонентами коммуникативной структуры — глагольной темой *покатался* и ремой *не очень удачно* (о понятии атонической темы см. [Янко 2001: 73–80]; ниже мы еще

вернемся к нему при обсуждении парентезы). Согласно приведенному выше определению, подобные безударные элементы включаются в одну коммуникативно-просодическую составляющую с той ударной группой, к которой они интонационно примыкают; в данном случае *он* входит в ту же коммуникативно-просодическую составляющую, что и *покатался*.

Наша рабочая гипотеза состоит в том, что, за вычетом случаев самоисправлений и прочих оборванных контекстов, устный текст можно разбить на коммуникативно-просодические составляющие без остатка. Инвентарь основных значений, выражаемых в коммуникативно-просодических составляющих, задается посредством трех противопоставлений:

- (i) тема vs. рема;
- (ii) завершенность vs. незавершенность;
- (iii) основная линия изложения vs. парентеза.

2.1. Тема vs. рема

В контексте иллокуции сообщения (доминирующей в текстах исследуемого дискурсивного жанра) центральное противопоставление коммуникативной семантики понимается нами в «традиционном» ключе. Рема — это конституирующий, обязательный компонент сообщения, закрепляющий за высказыванием принадлежность к данному типу речевого акта; в нем заключено основное содержание сообщения. В свою очередь тема — это неконституирующий, необязательный компонент сообщения, своего рода «зачин». В качестве темы могут выступать именные группы (см. *человек* в строке 12 примера (2)), глагольные единицы (*покатался он* в строке 14), маркеры риторических отношений между фрагментами дискурса (*после чего* в строке 13) и проч. Стандартное формальное выражение тематических составляющих — восходящие акценты типа ИК-3 или ИК-6.

Формальным выражением ремы часто становится нисходящий акцент типа ИК-1 или ИК-2 — см. строки 13 и 17 примера (2) выше. Впрочем, как мы стараемся показать ниже, в контексте незавершенности рема может акцентироваться и иначе. С синтаксической точки зрения, ремы могут представлять как полные клаузы (обычно это происходит при отсутствии темы), так и части клауз. Кроме того, регулярны контексты, в которых одна клауза разбивается на несколько рематических составляющих — см. пример (3), в котором говорящий постфактум добавляет к глагольной реме *решил покататься на лыжах* еще две непредикативные ремы:

(3) *Pic-RUS_03-m_Ski-T*

1.	[/Один ⁶ →чувак] .. [/решил покататься на \лыжах ¹].
2.	.. [\Как-то ¹].
3.	.. [/→Ранним /→зимним \утром ¹].

Впрочем, нам кажется плодотворной более широкая трактовка понятий «тема» и «рема», согласно которой эти значения реализуются и в других типах речевых актов, допускающих внутреннее коммуникативное членение: вопросах, директивах и проч. (При этом, разумеется, интонационные модели, реализуемые в составляющих таких высказываний, могут существенно отличаться от описанных для сообщения.) В этом отношении мы следуем идеям С. В. Кодзасова, в работах которого номенклатура коммуникативных категорий задается вне привязки к конкретной иллокутивной функции высказывания. См., в частности, определение ремы как «компонента смысла, над которым производится операция при осуществлении речевого акта» в [Кодзасов 1996/2009: 81]. Более того, мы полагаем, что подобное определение применимо и к коммуникативно-просодические составляющим, формирующим заведомо нерасчлененные речевые акты: например, обращения, акты поиска подходящей вербализации (ударное *ну*), акты «подытоживания» (ударное *вот*) и др.

При формулировании правил сегментации речевого потока на ЭДЕ в разделе 3 мы используем термин «рема» именно в таком, максимально расширенном, понимании.

2.2. Завершенность vs. незавершенность

Если противопоставление темы и ремы непосредственно связано с внутренней коммуникативной организацией высказывания, то значения завершенности / незавершенности отвечают за то, каким образом компоненты высказывания встраиваются в более широкий дискурсивный контекст — см. разграничение между интонацией предложения и интонацией текста в [Янко 2008]. В отличие от темы и ремы, завершенность и незавершенность не задают отрезков в линейной последовательности текста, а также редко имеют отдельное интонационное выражение. Чаще всего эти значения накладываются на тема-рематическое членение высказывания. При этом тематическая составляющая, судя по всему, способна сочетаться только со значением незавершенности, тогда как рема может характеризоваться как завершенностью, так и незавершенностью.

Яркий пример сочетания ремы с незавершенностью представлен в строке 14 примера (2) выше. В составляющей *не \oчень¹ \uдачно⁴* реализована аналитическая стратегия кодирования ремы и незавершенности: каждое из этих значений имеет отдельный интонационный коррелят. Нисходящий акцент на *очень* маркирует рему (в данном случае действуют правила выбора акцентоносителя в контексте контраста), а нисходяще-восходящий акцент на *удачно* указывает на незавершенность. Отметим, что если бы говорящий не хотел подчеркнуть незавершенный статус высказывания в рамках всего текста, ему было бы достаточно произнести наречие *удачно* безакцентно: */Покатался³ он не \oчень¹ удачно*. Подробнее о данной стратегии выражения незавершенности см. [Янко 2008: 131–141, 148–154].

Однако, как уже было отмечено, значительно чаще значения завершенности / незавершенности выражаются совместно со значениями темы / ремы — на тех же словах-акцентоносителях. См., например, строку 12 примера (2), в ко-

торой составляющая *изрядно \↑нажрался*⁴ снабжена одним акцентом типа ИК-4. Выбор акцентоносителя производится тут по правилам для рематической составляющей, а движение тона указывает на незавершенность (ср. с потенциальным *изрядно \нажрался*¹ в контексте завершенности). При этом, поскольку для незавершенности характерны в целом те же интонационные паттерны, что и для темы, возникает трудноразрешимая омонимия между темой и «ремой с незавершенностью». Так, в рассмотренном только что случае в принципе допустима и тематическая интерпретация, хотя она и представляется нам семантически менее мотивированной: последовательность *изрядно нажрался*, как кажется, является не «зачином» для составляющей *после чего решил ещё раз покататься на лыжах*, а отдельным полноценным сообщением, не в меньшей степени продвигающим дискурс вперед, чем следующая за ним «рема с завершенностью».

Приведем еще один пример, в котором незавершенность выражается совместно с рематическим значением, интонационно «затирая» его.

(4) *Pic-RUS_02-f_Pr-T*

25.	[но –потом когда он узнал /цену–у ³],
26.	… [/он–н] … [в \испуге–е] [сказал «/Нет-/нет-\нет ²],
27.	[это мне не /нужно ³].»,
28.	… [/и–и мм \↑ушёл],

В строках 26–27 представлен случай полупрямого цитирования. С сегментной точки зрения передача слов персонажа устроена как прямая речь: сохранены все дейктические элементы, использовано экспрессивное утроение *нет*. Составляющая *это мне не нужно* очевидно имеет рематическую функцию: в ней описывается, что именно сообщил персонаж своему собеседнику. Акцентоноситель в этой составляющей также выбран по стандартным для рем правилам. Однако, сегментно исполнив цитацию как прямую, рассказчица интонационно оформила ее как косвенную: об этом говорит восходящее движение тона на *нужно*, придающее всей цитационной конструкции значение незавершенности. Попутно заметим, что в (4) также представлено два случая так называемого нефинального падения. В строках 26 (последняя составляющая) и 28 налицо нисходящее движение тона, характерное для рем, которое, тем не менее, не достигает типичного для данного говорящего уровня частоты основного тона. На наш взгляд, это еще один случай совместного выражения ремы и незавершенности (подробнее см. [Кибрик 2008]).

Имеются и контексты, в которых при наличии восходящего тона безусловно предпочтительна тематическая интерпретация. В частности, это все неглагольные составляющие, а также препозитивные условные придаточные и другие клаузальные единицы с имманентной тематической функцией. Но в целом приходится признать, что разграничение между темой и ремой с незавершенностью нередко базируется на достаточно зыбких основаниях. Этот вопрос нуждается в дальнейшем содержательном анализе.

2.3. Парентеза

Еще одним значением, накладывающимся на противопоставления темы / ремы и завершенности / незавершенности, является парентеза. Под парентезой мы понимаем временный отход от основной линии изложения, которому сопутствует вставка внутрь некоторой дискурсивной последовательности «инородного» фрагмента, характеризуемого внутренней коммуникативной и интонационной цельностью. В примере (2) выше парентеза реализована в строках 15–16: внутрь последовательности *покатался он не очень удачно ... и попал в реанимацию* вставлен фрагмент *так как был пьяный, а за рулём как известно нельзя пить*. Отметим, что в [Янко 2001] парентеза рассматривается как подтип атонической темы. В настоящей работе принят иной взгляд на это явление: мы полагаем, что в парентетических фрагментах могут реализовываться те же коммуникативные значения, что и в основной линии изложения. Так, составляющие *так как был пьяный* и *а за рулём как известно нельзя пить* мы квалифицируем как парентетические ремы, совмещенные со значением незавершенности (о незавершенности сигнализирует нефинальное падение)³.

Таким образом, на основе рассмотренных противопоставлений можно выделить по крайней мере 6 классов коммуникативно-просодических составляющих: темы, ремы с завершенностью, ремы с незавершенностью, а также эти же три класса в контексте парентезы.

3. Правила сегментации на ЭДЕ

Обсудив понятие коммуникативно-просодической составляющей, мы можем перейти непосредственно к правилам сегментации речевого потока на элементарные дискурсивные единицы.

А. Границы ЭДЕ — это подмножество границ коммуникативно-просодических составляющих. Иными словами, одна коммуникативно-просодическая составляющая не может быть разнесена на несколько ЭДЕ. Важное следствие из этого правила — запрет на выделение ЭДЕ, лишенных коммуникативно значимого акцента. Это касается, в частности, и вершинных компонентов в сложноподчиненных конструкциях — в том случае, если они произносятся безударно. Например, в отрывке (5) словосочетание *он не знает*, выступающее в роли вершинной части конструкции с косвенным вопросом, не имеет на себе акцента, а потому объединяется в одну коммуникативно-просодическую составляющую (и, соответственно, в одну ЭДЕ) с придаточной частью:

³ Безусловно, контекст парентезы может оказывать существенное влияние на формальное выражение коммуникативных значений. Например, хорошо известно, что вставочная информация часто произносится в ускоренном темпе и в «смазанном» тональном диапазоне. Однако на наш взгляд, из этого не следует, что в парентезе не может быть собственных тем и рем.

(5) *Pic-RUS_10-f_Pr-T*

11.	[Он не знает чего /выбрать ³],
12.	[и /решил ³] [спросить у \детей ¹].

Отметим, что в рамках «синтаксического» алгоритма, описанного в разделе 1, последовательности типа *он не знает* признавались отдельными ЭДЕ.

Б. Правые границы всех рематических составляющих являются правыми границами ЭДЕ — вне зависимости от того, характеризуются ли эти составляющие завершенностью, и вне зависимости от их синтаксического статуса. Это правило было многократно реализовано при разбиении на ЭДЕ приведенных выше отрывков — см. строки 12–14 и 15 примера (2); все строки примера (3); строки 26–28 примера (4); строку 12 примера (5). Кроме того, как было отмечено в разделе 2.1, при расширительной трактовке понятия «рематическая составляющая» в число рем попадают также и единицы, формирующие нерасчлененные речевые акты, отличные от сообщения. Именно на этом основании отдельной рематической составляющей, а значит, и отдельной ЭДЕ, признается дискурсивный макрер *вот* в следующем примере:

(6) *Pic-RUS_05-m_Pr-T*

39.	.. [и /приобрёл ³] [\→игрушечный ² автомобиль],
40.	.. [\вот ¹].

В. Правая граница тематической составляющей признается правой границей ЭДЕ только в том случае, если в ближайшем правом контексте нет непарентической составляющей или группы таких составляющих, объединение которой с данной тематической составляющей можно квалифицировать как простую клаузу. В противном случае данная тематическая составляющая не задает правой границы ЭДЕ. Так, тематическая именная группа *один чувак* в строке 1 примера (3) не формирует отдельной ЭДЕ, так как ее объединение с последующей рематической составляющей *решил покататься на лыжах* можно квалифицировать как простую клаузу. То же верно и для тематических составляющих в строках 1–3 отрывка (2). В то же время составляющая *но потом когда он узнал цену* из примера (4) (как кажется, ее наиболее естественно интерпретировать как тему, а не как рему с незавершенностью) задает правую границу ЭДЕ, поскольку ее объединение с правым контекстом заведомо превосходит формат простой клаузы. Отметим, что неочевидный коммуникативный статус этой составляющей в данном случае не влияет на проведение границы ЭДЕ: если считать данную клаузу ремой, она также выделяется в полноценную ЭДЕ, но уже на основании правила Б.

В примере (7) представлены еще два случая, в которых правая граница тематической составляющей совпадает с правой границей ЭДЕ.

(7) *Pic-RUS_01-f_Pr-R*

34.	.. [/\Жена-а ³ в-в \общем-то-о],
35.	.. [не \уверена ¹],
36.	[что она была \↑→счастлива ⁴ по этому поводу],

Во-первых, в данном примере реализуется стратегия вынесенного топика: тематическая составляющая *жена в общем-то* не может быть объединена в одну ЭДЕ с правым контекстом, поскольку в опорной клаузе происходит повторной заполнение субъектной валентности. Во-вторых, в строке 35 имеется глагольная тема *не уверена* (нисходящий тон в этой составляющей обусловлен принципом адаптации к нисходяще-восходящему акценту в последующей реме), объединение которой с правым контекстом приводит к образованию сложной, а не простой клаузы.

Г. Левые границы парентез являются левыми границами ЭДЕ. Внутри парентез действуют правила сегментации, описанные в пунктах А–В. См. строки 15–16 рассмотренного выше примера (2): совместно они образуют парентезу, при этом каждая из них по отдельности выступает в качестве парентетической рематической составляющей, совмещенной со значением незавершенности.

В заключение приведем несколько более подробную иллюстрацию описанного в настоящей работе подхода к выделению элементарных дискурсивных единиц. Ниже представлен фрагмент транскрипта, в котором дополнительно отмечены границы коммуникативно-просодических составляющих, а в столбце справа содержится краткое описание основных свойств каждой составляющей.

(8) *Pic-RUS_03-m_Pr-T*

16.	... [Он пошёл в /-магазин ⁶],	Рема + незавершенность; правило Б.
17.	... [присматриваться к \ машин ¹].	Рема + завешенность (фрагментация инфинитивной конструкции); правило Б.
18.	... [Когда ему-у одна машина / понравилась ³],	Клаузальная тема; правило В (есть правая граница ЭДЕ).
19.	... _i [/\о-он-н] ... _{ii} [/\спросил] ... _{iii} [у /покупателя-я \о-ой /\ продавца-а ⁶],	i. Неглагольная тема; правило В (нет правой границы ЭДЕ). ii. Глагольная тема; правило В (нет правой границы ЭДЕ). iii. Глагольная тема; правило В (есть правая граница ЭДЕ).
20.	[сколько-о ... она \строит ²].	Рема + завершенность; правило Б.
21.	... _i [/\Он ³] ... _{ii} [ему-у /сказал ⁶],	i. Неглагольная тема; правило В (нет правой границы ЭДЕ). ii. Глагольная тема; правило В (есть правая граница ЭДЕ).

22.	[что она стоит /\многo ²].	Рема + завершенность; правило Б.
23.	... _i [И–и он решил что–о’ их б= семейный /бюджет ³] _{ii} [Этого не \потянет ²].	i. Тема; правило В (нет правой границы ЭДЕ). Группа <i>и он решил</i> , которая выделалась бы в отдельную ЭДЕ при использовании «синтаксического» метода, не формирует отдельной коммуникативно-просодической составляющей, а потому не задает правой границы ЭДЕ (правило А). ii. Рема; правило Б.
24.	.. _i [И в конце /концов–в ³] _{ii} [он /купил–л ³] .. _{iii} [/коллекционную \машинку ¹].	i. Неглагольная тема; правило В (нет правой границы ЭДЕ). ii. Глагольная тема; правило В (нет правой границы ЭДЕ). iii. Рема + завершенность; правило Б.
26.	.. _i [↓–Жене ¹].	Рема + завершенность (фрагментация именной группы); правило Б.
27.	.. [-Вот ¹].	Рема в нерасчленном высказывании + завершенность; правило Б.
28.	.. [-Всё–е ¹].	Рема в нерасчленном высказывании + завершенность; правило Б.

4. Выводы

Предлагаемые в настоящей работе правила сегментации речевого потока на элементарные дискурсивные единицы основаны на совместном учете двух факторов: коммуникативно-просодического и синтаксического. Введено понятие коммуникативно-просодической составляющей — цепочки словоформ, выражающей определенное коммуникативное значение и снабженной хотя бы одним коммуникативно релевантным акцентом. Выделяется шесть классов такого рода составляющих: тема, рема с завершенностью, рема с незавершенностью и эти же классы в контексте парентезы. В алгоритме разбиения устного текста на ЭДЕ зафиксирована неравнозначность коммуникативно-просодических составляющих при построении локальной дискурсивной структуры. Рематические составляющие вносят значительно более весомый вклад в «продвижение дискурса вперед», чем тематические. Поэтому правая граница рематической составляющей всегда соответствует правым границам ЭДЕ; тогда как тема задает правую границу ЭДЕ только в том случае, если имеется необходимая синтаксическая «поддержка».

Литература

1. Кибрик А. А. (2008) Есть ли предложение в устной речи? // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро. В. Кодзасова. М.: ЯСК, 104–115.
2. Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) (2009) Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК.
3. Кодзасов С. В. (1996) Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 181–204. Перепечатано в [Кодзасов 2009].
4. Кодзасов С. В. (2009) Исследования в области русской просодии. М. ЯСК.
5. Коротаев Н. А., Кибрик А. А., Подлеская В. И. (2009) Осложнения канонической структуры: на стыке моно- и полипредикативности // Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 219–332.
6. Литвиненко А. О., Подлеская В. И., Кибрик А. А. (2009) Анализ рассказов о сновидениях с точки зрения иерархической структуры дискурса // Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 431–463.
7. Янко Т. Е. (2001) Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК.
8. Янко Т. Е. (2008) Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК.
9. Chafe, W. (1994) *Discourse, consciousness, and time*. Chicago: University of Chicago Press.
10. Croft, W. (1995) Intonation units and grammatical structure // *Linguistics* 33, 839–882.
11. Du Bois, J. (dir.) (2000) *Santa Barbara Corpus of Spoken American English*. Pt 1–4. Philadelphia: Linguistic Data Consortium.
12. Izre'el, S., Mettouchi, A. (2015) Representation of speech in CorpAfroAs: Transcriptional strategies and prosodic units // Mettouchi, Amina, Martine Vanhove and Dominique Caubet (eds.), *Corpus-based Studies of Lesser-described Languages: The CorpAfroAs corpus of spoken AfroAsiatic languages*. Amsterdam: John Benjamins, 13–41.
13. Mann, W. C., Thompson, S. A. (1988) Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization // *Text*, 8, 243–281.

References

1. Chafe W. (1994), *Discourse, consciousness, and time*, University of Chicago Press, Chicago.
2. Croft W. (1995), *Intonation units and grammatical structure*, *Linguistics* 33, pp. 839–882.
3. Du Bois J. (dir.) (2000), *Santa Barbara Corpus of Spoken American English*, Pt 1–4, Linguistic Data Consortium, Philadelphia.

4. *Izre'el S., Mettouchi A.* (2015) Representation of speech in CorpAfroAs: Transcriptional strategies and prosodic units, in Mettouchi, Amina, Martine Vanhove and Dominique Caubet (eds.), *Corpus-based Studies of Lesser-described Languages: The CorpAfroAs corpus of spoken AfroAsiatic languages*, John Benjamins, Amsterdam, 13–41.
5. *Kibrik A. A.* (2008), Is sentence viable in spoken discourse? [Est' li predlozhenie v ustnoy rechi?], *Phonetics and non-phonetics. A 70th birthday Festschrift for Sandro V. Kodzasov [Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova]*, Languages of Slavonic Culture, Moscow, pp. 104–115.
6. *Kibrik A. A., Podlesskaja V. I.* (eds.) (2009), *Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse [Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa]*, Languages of Slavonic Culture, Moscow.
7. *Kodzasov S. V.* (1996), The laws of phrasal accentuation [Zakony frozovoy aktsentuatsii], in *Prosodic structure of Russian speech [Prosodicheskiy story russkoy rechi]*. Moscow. Reprinted in Kodzasov 2009.
8. *Kodzasov S. V.* (2009), *Studies in Russian Prosody [Issledovaniya v oblasti russkoy prosodii]*, Languages of Slavonic Culture, Moscow.
9. *Korotaev N. A., Kibrik A. A., Podlesskaja V. I.* (2009), Complex structures: between simple predication and polypredication [Oslozhneniya kanonicheskoy struktury: na styke mono- i polipredikativnosti], in *Kibrik A. A., Podlesskaja V. I.* (eds.), *Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse [Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa]*, Languages of Slavonic Culture, Moscow, pp. 219–332.
10. *Litvinenko A. O., Kibrik A. A., Podlesskaja V. I.* (2009), Night dream stories from a hierarchical structure perspective [Analiz rasskazov o snovideniyakh s točki zreniya ierarkhicheskoy struktury diskursa], in *Kibrik A. A., Podlesskaja V. I.* (eds.), *Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse [Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa]*, Languages of Slavonic Culture, Moscow, pp. 431–463.
11. *Mann W. C., Thompson S. A.* (1988), *Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization*, *Text*, 8, pp. 243–281.
12. *Yanko T. E.* (2001), *Communicative strategies of Russian speech [Kommunikativnye strategii russkoy rechi]*, Languages of Slavonic Culture, Moscow.
13. *Yanko T. E.* (2001), *Intonation strategies of Russian speech from a contrastive perspective [Intonatsionnye strategii russkoy rechi v sopostavitel'nom aspekte]*, Languages of Slavonic Culture, Moscow.